

СОВРЕМЕННЫЕ НОМОТЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДИНАМИКИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ «переОРИЕНТация» или «ориентализация» современного исторического сознания?*

В статье рассматриваются основные тенденции развития одного из перспективных направлений современной историографии – мир-системного анализа, разбираются современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, стремящейся описать весь мир в целом.

Ключевые слова: постколониальная критика, макросоциология, оксидентоцентризм, ориентоцентризм, переориентация, мир-система, мир-экономика, Передняя Азия.

Официальная история, изложенная на страницах школьных учебников, энциклопедий, университетских и академических изданий, отображает преимущественно события древней истории Греции, Рима, Средневековой, Новой и Новейшей Европы. Чуть больше повезло Древнему Египту, Месопотамии, Византии, Арабскому халифату. Остальные народы и страны Азии, Африки и Америки, как правило, выпадают из поля зрения историков (за исключением узких специалистов), как будто их не существовало до тех пор, пока они не вошли в соприкосновение с Западной цивилизацией и не испытали на себе ее благотворного влияния. Американский историк Эрик Вульф охарактеризовал эту ситуацию так: «Европа и народы без истории»¹. В большинстве учебников и научных исследований восточные народы и страны, несмотря на свою древнюю историю, представляются отсталыми и косными, отвергающими несомые европейцами блага цивилизации и прогресса, а эпохи, предшествующие появлению европейцев, оказываются сплошным белым пятном².

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского (Славянского) Университета в рамках проекта «Армяно-Китайских исследований».

¹ Wolf 1982.

² Тот же подход доминировал и в официальной советской историографии. В большинстве учебников история древних народов СССР представлялась как пребывание в некоем летаргическом состоянии, в ожидании, когда придут русские и, пробудив их от многовековой спячки, включат в свою империю, приобщив к высокой русской культуре, и опосредованно к западной культуре и западным ценностям. Главное же событие, согласно советской историографии, для народов империи было впереди: после большевистской революции 1917-го был установлен советский строй, что позволило народам империи, вслед за русскими, дружно двинуться на штурм «зияющих высот» коммунизма. Что касается предшествующей упомянутым эпохальным событиям истории некоторых народов, со временем она стала представляться хотя и очень древней, но не продуктивной и по сути тупиковой. Таким образом, продвижение России за свои естественные пределы в официальной историографии представлялось не колонизацией или империалистической экспансией, а своего рода высокой миссией, в духе провиденциалистской теории Третьего Рима.

И все же это не означает, что на Западе или в России совсем не было интереса к Востоку. Отнюдь, интерес был, причем двусложный – онтологический и практический, на основе этого двуединого интереса со временем сформировалось два типа ориентализма – академический и политический³. Безусловно, говорить о том или ином виде ориентализма в чистом виде не приходится, границы между ними размыты. Академические изыскания о Востоке имеют прикладное значение, и наоборот, добытая для практических целей информация со временем пополняет базу фундаментальных знаний. Многие известные ориенталисты, проводившие полевые исследования в Азии и Южной Америке, на поверку оказались тайными агентами держав, имевших интерес в регионе. Для многих откомандированных на государственную службу интеллектуалов, Восток почти сразу стал предметом страсти. В романе «Танкред» Бенджамен Дизраэли писал: «Восток – это профессия». Как справедливо подметил Эдвард Саид: «...он имеет в виду, что интерес к Востоку станет для блестящих молодых представителей Запада всепоглощающей страстью»⁴, а не простой рутинной работой, на благо своей державы.

Стоит отметить и другие формы ориентализма, временами неожиданные и занятные: например, мода. Речь не только о вплетении восточных мотивов в одежду и интерьер жилищ и имитации предметов восточного искусства (т.н. стиль шинуазри)⁵, но и о моде на китайские и японские сады, персидские фонтаны и греческие бани, а также о стремлении европейцев окружать себя восточными предметами быта – армянскими коврами, китайскими вазами и фонарями, японскими гравюрами, ширмами и мелкой пластикой, среднеазиатскими шелками и атласом. После походов Наполеона и расшифровки Шампольоном Розеттского камня надолго доминирующей в Европе стала египетская тематика. В литературе и искусстве (особенно в эпоху романтизма) на Западе появились бесчисленные произведения, в которых Восток представал в самых разных обликах – идеализированных или демонизированных, но мало общего имеющих с реальным, сложным и многообразным миром⁶.

Ориентализм, во всех своих проявлениях, необходим Западу, необходим, прежде всего, для самоидентификации, ведь осознание себя возможно только через оппозицию. Однако именно поэтому любой ориентализм оксидентоцентричен⁷ – в основе его всегда лежит европей-

³ Это ориентализм политиков, аналитиков, разведчиков и пр.

⁴ Саид 1995. С.13.

⁵ От фр. *chinoiserie* – дословно китайщина – использование мотивов и стилистических приёмов средневекового китайского искусства в европейской живописи, декоративно-прикладном искусстве, costume, в разбивке и оформлении садово-парковых ансамблей XVIII века (см.: Сокольников, Крейн 2006. С. 111-113).

⁶ Julian 1977; Nochlin 1983. P. 118-131, 87-191.

⁷ Оксидентоцентризм или оксидентализм (от лат. *occidens* – запад) – доктрина, основанная на выделении Запада как особого культурного, идеологического, истори-

ский взгляд на неевропейские предметы и явления. Такой ориентализм Э. Саид охарактеризовал как: «...западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»⁸. Для европейцев и американцев Запад – всегда субъект, Восток же был и остается объектом, миром, обладающим безусловным очарованием⁹, но вместе с тем на протяжении веков остающимся косной, застылой, застрявшей в прошлом средой. В противоположность ему, Запад представляется носителем истинного знания и агентом прогресса – технологичным, динамичным, открытым, нацеленным на перманентную модернизацию мира. Особая роль в укоренении подобных взглядов и представлений, безусловно, принадлежит историографии и политэкономии.

Однако именно историография первой попыталась обойти эти мировоззренческие парадигмы, расширив горизонты своего исследования. Разработанная О. Шпенглером и А. Тойнби парадигма локальных цивилизаций, значительно потеснившая концепцию глобальной истории, а также исторические труды М. Ростовцева, Л. Гумилева, политэкономические и географические разработки А. Петерса, историко-философские труды Н.И. Конрада, В.П. Чалояна, и др. пробили брешь в евроцентристской картине мира и, по выражению Мартина Бернала, «ослабили культурное высокомерие европейцев», однако не смогли поколебать его основ. Интенсивное развитие индустрии в Западной Европе и Северной Америке, с одной стороны, и промышленное отставание остальных частей земного шара – с другой, продолжало подпитывать оксидентализм, в явной или неявной форме провозглашающий превосходство западно-европейской цивилизации и европейского образа жизни, особую, мессианскую роль некоторых европейских народов в мировой истории¹⁰.

ческого, политического феномена и ориентира в реализации культурной или политической деятельности. В широком смысле оксидентализм представляет собой изучение западной цивилизации как наиболее эффективной и успешной в истории человечества, через призму ее ценностей. В узком смысле, термин может иметь негативную коннотацию. Такой подход характерен для ориентоцентричных авторов и идеологов, рассматривающих Запад как антигуманную, деструктивную силу, тлетворно влияющую на традиционные культуры. Дискурсу оксидентализма посвящены книги Яна Бурумы и Авишай Маргалита «Оксидентализм: Запад глазами его врагов» и «Оксидентализм: краткая история антизападничества» (Buruma, Margalit 2004; 2005). Авторы деконструируют распространенные негативные стереотипы о Западе, в которых Запад представлен как этакий Город-блудница, Новый Вавилон, носитель многочисленных архетипических пороков, отклонений от божественных установлений; а Восток – как Деревня, окраина, обреченная всегда быть второй. Примером идеологического “оксидентализма” можно считать отношение старозаветных израильтян к ханаанеянам и филистимлянам, в России – славянофильство, в странах мусульманского Востока – современный политический ислам.

⁸ Саид 1995. С.10.

⁹ Однако на бытовом уровне ксенофилия европейцев вызывает на Востоке столь же сильное раздражение, что и ксенофобия.

¹⁰ Ферро 1993. С. 10-16.

Веру в превосходство европейской цивилизации поколебали изменения, происшедшие вскоре после Второй мировой войны в Восточной Азии, особенно экономическое чудо, сотворенное вначале Японией, затем «четырьмя азиатскими тиграми» и вслед за ними «четырьмя азиатскими драконами». Окончательный же удар по европоцентризму нанес постмаоистский Китай, стремительно ворвавшийся в мировую экономику и уверенно занявший в ней доминирующие позиции. По сути, на глазах одного поколения произошло четыре «высадки десанта» из восточноазиатских стран: первая волна пришла из Страны восходящего солнца, вторую «высадку» осуществили «тигры» (Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань), третью – «драконы» (Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия), и наконец, четвертую, самую массивную – «Поднебесная». При этом, каждая из четырех волн не перекрывала предыдущие, а наслаивалась на них, создавая стойкое ощущение того, что все это происходит не случайно и подчиняется некоей телеологической целесообразности. Все четыре волны исходили из разных ареалов единой мир-системы, которую некоторые исследователи уже давно окрестили конфуцианской цивилизацией. Пожалуй, не случайно завершающий аккорд в восточноазиатском оркестре сыграла именно Срединная империя, во все времена занимавшая центральное место в этом Номосе и исполнявшая роль дирижера, законодателя мод. В завершение добавим, что в спину восточноазиатским драконам дышит набирающая обороты индийская экономика.

Вслед за экономической перестройкой и перемещением «центра тяжести» происходят изменения и в мировоззренческих парадигмах. Вместе с японскими, корейскими, малазийскими и китайскими товарами в мир пришло осознание того, что прежние политэкономические модели и политологические парадигмы в новых условиях не работают, евроцентристская картина мира перестала быть убедительной и потеряла актуальность. И все же в отличие от мировой экономики, сразу отозвавшейся на изменения, западная социологическая мысль, на наш взгляд, отреагировала с опозданием. Главной причиной такой неповоротливости сознания современных историков и политологов был и остается своего рода веберовский оксидентный нарциссизм – самодостаточность западных мировоззренческих парадигм, существенно не менявшихся со времен Просвещения и ранних гегельянцев. Существующую картину мира следовало если не поменять, то хотя бы откорректировать в соответствии с новыми реалиями, но для этого нужно было расчистить культурное пространство. Эту задачу на себя взяла постколониальная критика, которая возникла под влиянием постмодернистского дискурса Мишеля Фуко, построенного на анализе культурного наследия эпохи колониализма. Дальнейшее развитие эти идеи получили в работах Эдварда Вади Саида, Гаятри Чакраворти Спивак, Хоми К. Бхабхи (Бабы)¹¹. Характерно, что

¹¹ Саид, 1995; 2003; Spivak, 1987; 1988; Bhabha 1990; 1994.

три американских исследователя имеют азиатское происхождение и их опыт челночного (по сути, маргинального) проживания на границе между метрополией и колонией¹² дал возможность им выступать от имени разных культур. Схожую позицию занимает профессор Чикагского университета Дипеш Чакрабартти: автор нашумевшей книги с провокационным названием «Провинциализируя Европу»¹³, называет современный мир постзападным и постамериканским, стоящим на пороге появления незападных систем оценки, например, иного понимания идеи демократии.

Будучи, по сути, западными интеллектуалами, они путем деконструкции, разрушения/ниспровержения западных стереотипов и культурных образцов, попытались создать новую картину мира, построенную по принципу «гибридности»¹⁴. Постколониальная критика имеет различное происхождение, отсюда два противоположных, иногда расходящихся, иногда же пересекающихся антиимперских вектора – националистический и космополитический (глобалистский). В результате гибридизации этих двух антиимпериалистических движений появился такой феномен как глокализация¹⁵ – термин, введенный в оборот британским социологом и теоретиком процессов глобализации Роландом Робертсоном¹⁶. Представители этого движения главной задачей считали само-репрезентацию и формирование мультикультурной личности, что в значительной степени отражало процессы формирования государственности и национальной идентичности на постимперском пространстве, с одной стороны, и становление мультикультурного общества в странах Западной Европы во второй половине XX в., с другой.

Вместе с тем, практически все постмодернистские политические философы оспаривают стержневую для марксизма идею об изначально экономической природе империализма и, как отмечалось выше, делают акцент на дискурсе культурной и социальной эксплуатации. В противоположность им, неомарксистские историки строят постколониальную

¹² Э. Саид, по происхождению, иерусалимский араб, а Х. Бхабха – индийский парс, рожденный в зажиточной зороастрийской семье. По сути, все трое упомянутых ориенталистов родились и как личности сформировались на границе различных социальных групп, систем, культур, испытывая влияние их противоречащих друг другу ценностей. Это позволило им создать собственную систему норм и ценностей, отличную как от туземных, так и от колониальных ценностных систем.

¹³ Chakrabarty 2007.

¹⁴ Сходные явления происходили в эпоху эллинизма, что позволяет назвать эту эпоху неоэллинистической.

¹⁵ В широком смысле глокализация – явление мировоззренческого уровня. Оно отражает такой слой мирового сознания, для которого характерно одновременно и отставание обществами своей самобытности (локальность) и стремление к стиранию прежних пространственных границ, к укреплению внешних связей. В этом смысле глокализация отражает сопряженность между гомогенизацией, которую несет глобализация, и гетерогенизацией, как проявлением локального, специфического, традиционного.

¹⁶ Robertson 1992.

критику, прежде всего, с позиций политэкономических и макросоциальных. Одним из первых неоколониальных макросоциологов стал Андре Гундер Франк, более четверти века исследовавший мировые экономические процессы, один из соавторов мир-системного подхода. Уже в своих первых работах он довольно жестко раскритиковал доминировавшие тогда либеральные экономические, особенно кейнсианские теории¹⁷. По его мнению, все эти теории отличает некий догматизм, и они опираются на нерепрезентативный по масштабу исторический опыт. Гундер Франк одним из первых отказался от взглядов на Европу, как на место рождения современной мир-системы. Он первым заговорил о «переОРИЕНТации»¹⁸, предлагая заменить «оксидентоцентризм» на «гуманоцентризм». Однако самому Франку это, пожалуй, не удалось. Трудно не согласиться с замечанием киевского социолога Павла Кутуева о том, что «...Франкова “переОРИЕНТация” предлагает новый региональный уклон вместо прежней “зачарованности” Оксидентом»¹⁹.

Можно не соглашаться с некоторыми леворадикальными выпадами Франка против западных ценностей и с определенными оговорками относиться к его утверждениям о том, что главная причина отставания стран Третьего мира кроется преимущественно в колониальной политике западных стран, но нельзя не признать, что предложенный им дискурс как нельзя более подходит для обобщающего анализа конфуцианской цивилизации и политэкономической ситуации в современном Китае.

В основе азиацентристской (позднее – китаеццентристской) концепции мирового развития Гундера Франка лежит мир-системный исследовательский метод Фернана Броделя, который разработал теорию о ряде смежных мир-систем, взаимосвязанных в единую «мир-экономику»²⁰. Каждая мир-система, по Броделю, имеет свой центр (со своим «сверхгородом»), второстепенные, но развитые общества и окраинную периферию. Внутри мир-системы существуют прочные связи: торговые коммуникации связывают разные регионы в единое макроэкономическое пространство. При этом имелась в виду не мировая экономика в целом. Такая глобальная экономика («рынок всего мира») сформировалась, по мнению Броделя, относительно недавно. Слово «мир» в его понимании означает самодостаточность, независимость от других подобных образований: «Мир-экономика... затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»²¹. Мирами-экономиками были,

¹⁷ Frank 1980. P. 13.

¹⁸ См.: Frank 1998.

¹⁹ Кутуев 2007. С. 27.

²⁰ Wallerstein 1974; Валлерстайн 1998. С. 105-123, 3.

²¹ Бродель 1992. С. 14.

например, Индия, Китай, Финикия, Карфаген, Рим, мир ислама. Каждая такая система пространственно ограничена и довольно стабильна. Она непременно имеет свой стержень, который Бродель называет центром, а Валлерстайн – ядром. Таким центром/ядром всегда является мировой город, «сверхгород», которому подчинены и который обслуживают другие города. Ядро и периферия мир-системы могут трансформироваться и меняться местами, что отражается на системе в целом.

В мир-системе возможно единоробство двух доминирующих центров. Победа одного из них неизбежно приводит к деградации другого. Мир-экономика может делиться на несколько зон, образующих иерархию. «Всякий мир-экономика, – пишет Бродель, – есть складывание, сочетание связанных воедино зон, однако на разных уровнях. В пространстве обрисовывается, по меньшей мере, три ареала, три категории: узкий центр, второстепенные, довольно развитые области и в завершение всего огромные внешние окраины... Центр, так сказать, «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона “блистательных вторых”. Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других»²².

В отличие от Фернана Броделя и вторящего ему И. Валлерстайна²³, Франк не признает возможности одновременного существования в мире нескольких, а то и десятков «мир-систем», что, по его мнению, во многом обесмысливает само понятие мир-системы²⁴. Согласно Франку, речь может идти лишь об одной мир-системе, которая возникла не менее 5000 лет тому назад, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации вобрала в себя весь мир²⁵. При этом Франк отмечает также термин *цивилизация* и цивилизационный подход к истории.

Согласно Франку, центр мир-системы сформировался в Китае, а затем, в ходе эволюции, постепенно стал смещаться на запад – в Индию, Переднюю Азию, Средиземноморье, Северную Европу, Новый свет. Теперь, завершив цикл, он возвращается к своей исходной точке – в Китай. Наблюдающийся в настоящее время подъем Китая исследователь считает вполне естественным и закономерным. Экономическое восхождение Срединной страны он интерпретирует как репатриацию центра Мир-Системы, после ее кратковременной европейско-североамериканской «интерлюдии», в исходную точку – «естественное» место пребывания. Суть иконоборческой теории Франка заключается в том, что он размещает центр мир-системы в Восточной Азии и доказывает, что именно

²² Бродель 1992. С. 170.

²³ Валлерстайн 1998. Р. 216, 231.

²⁴ Frank 2000.

²⁵ Frank, Gills 1996. Р. 3, 23; 1998. Р. 1, 81; Gills, Frank 2002. Р. 151. 178.

этот регион сохранял свою экономическую гегемонию вплоть до конца XVIII века. В «ПереОРИЕНТации»²⁶, которую Франк считал своей лучшей книгой, видна тенденция к отказу от привычного оксидентного взгляда на историю мира. Автор ограничивает хронологическую перспективу своего анализа периодом с 1400 по 1800 г. и стремится разработать глобальный подход к экономической истории данного периода. По его мнению, все явления мировой истории следует рассматривать в контексте единой мировой экономической системы, так как историческое событие является порождением не столько внутренних структур, сколько закономерностей развития глобальной мир-экономики.

Франк утверждает, что Европа не обладала ни одним из приписываемых ей конкурентных преимуществ (рациональность ее институтов, предприимчивость, гонка высоких технологий и пр.)²⁷. Такой подход он объявляет расистским. Даже хищническая эксплуатация богатств Нового Света Европой в XVI–XVII вв. не подстегнула структурных изменений в европейской экономике. В реальности «Европа использовала деньги из своих американских колоний с целью насильственного приобщения к азиатскому производству, рынкам, торговле, т.е. для получения прибыли от взаимодействия с Азией, которая доминировала в мировой экономике»²⁸. По мнению Франка, гегемония Запада стала ощутимой и бесспорной лишь в XIX в., а потому практика ее проекции в отдаленное прошлое, как это делают многие западные исследователи, является ошибочной. Франк убежден, что Китай эпохи династии Сун (XI–XII вв.), в экономическом плане был наиболее развитым регионом мира. Посему не удивительно, что Синский номос смог сохранить свою ведущую роль в мировой системе и в дальнейшем, в течение всего периода с XV по XVIII вв. С учетом того, что Китай был главным мировым производителем и мировым экспортером шелка и фарфора, нет ничего удивительного в том, что Европа и Япония находились в положении реципиентов по отношению к Срединной империи: они импортировали китайские товары, расплачиваясь за них серебром (Япония – из собственных приисков, Европа же использовала ресурсы, выкачиваемые из Нового света).

В этом же контексте должны восприниматься ускоренные темпы экономического развития Восточной Азии последних нескольких десятилетий. Хотя они и не вписываются в общепринятые тренды западнцентристского обществознания, однако должны восприниматься не как спонтанное изолированное развитие отдельного региона, а в контексте постоянных перемещений центров гегемонии и периферии в мировой системе. По мнению Франка, гегемония Китая в мир-экономике прервалась лишь на двести лет, чтобы возродиться в наши дни. Таким образом,

²⁶ Frank 1998.

²⁷ Weber 1993.

²⁸ Frank 1998. P. 4-5.

современный сдвиг гегемонии с Запада на Восток он рассматривает как возврат мир-системы к своим истокам.

Концепции Франка имеют много общего с идеями американского антрополога Эрика Вульфа, который сосредоточил свое внимание на вопросах власти, политики и колониализма. Самая известная его книга «Европа и народы без истории»²⁹, написанная в русле мир-системного анализа Валлерстайна и Франка, объясняет отставание Азии и Южной Америки ограблением европейскими завоевателями. Развенчивая стереотипы о застойности неевропейских культур, Вульф отмечает, что они не были «изолированными» или «застывшими во времени» и никогда не выпадали из контекста мирового исторического процесса³⁰. С неомарксистских позиций Вульф объясняет механизмы, позволившие Западной Европе периода Великих географических открытий обогнать в экономическом развитии другие регионы мира и подчинить их своему влиянию. Особое внимание уделено тому, как автохтоны угнетались западным капитализмом через глобальные процессы, подобные работорговле или торговле пушниной.

Идеи Франка и Вульфа оказались созвучны взглядам женеваского историка экономики Поля Бэйроха. В своем фундаментальном исследовании «Мифы и парадоксы экономической истории»³¹ Бэйрох доказывает, что успех западной экономики в Новое время объясняется не либерализацией экономики и политической жизни большинства европейских стран, а политикой протекционизма и выкачивания ресурсов из Азии, Африки и Южной Америки. Либерализацию торговли европейцы навязывали другим странам для того, чтобы получить беспрепятственный доступ к рынкам третьего мира и паразитировать за их счет³².

Франку и Бэйроху вторит другой теоретик мир-системного анализа Джованни Арриги, который еще не так давно пребывал на позициях евроцентризма. В работе «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени», опираясь на исследования процессов на рынке труда, в образовании и экономическом развитии, Арриги рассуждает о причинах и последствиях неравенства в богатстве, о власти и о статусе наций, а в своей последней книге «Адам Смит в Пекине»³³, он рассматривает два главных фактора, предопределившие расстановку политических и экономических сил в начале нового тысячелетия. Один из них – появление и провал неоконсервативного проекта «За новый американский век», другой – выдвижение Китая в качестве лидера восточноазиатского экономического возрождения. В свете теории экономического развития Адама

²⁹ Wolf 1982.

³⁰ Wolf 1999.

³¹ Bairoch 1995.

³² Bairoch 1965, pp. 304–335; Bairoch, 1973; 1974; 1989.

³³ Арриги 2009.

Смита Арриги показывает, почему эпицентр мировой политической экономики перемещается из Северной Америки в Восточную Азию, и какова роль двух государств – США и Китая – как главных действующих лиц разворачивающегося преобразования мира.

Природе колониализма и асимметричному развитию разных регионов мира было посвящено немало работ и в первые десятилетия XXI века. Так, в капитальном исследовании «Рождение современного мира, 1780–1914»³⁴, опубликованном в 2004 г. британским историком С.А. Бейли выявляются и соотносятся связи между отдаленными частями земного шара, подчеркивается рост сетей связи и трансформаций. В заключение автор описывает «великое ускорение» 1890–1914 годов, когда весь мир с головокружительной скоростью катился к катастрофе, на фоне крушения либеральных надежд и веры в гуманистические идеалы. По мнению Бейли, империалистический контроль над менее развитыми регионами укреплялся посредством аннексий и экономического доминирования; последствием этих процессов стало разделение мира на Север и Юг, сохраняющееся по сей день. Признавая безусловное экономическое превосходство Севера, Бейли, тем не менее, утверждает, что преимущества западных держав были «случайными, интерактивными и сравнительно недолговечными». «В истории этого периода, – пишет он, – наблюдается немало разнообразных и по видимости взаимно противоречащих явлений. Смиряться с жестоким фактом западного доминирования, мы должны проследить взаимозависимость мировых событий. В то же время следует показать, что во многих частях мира это европейское доминирование носило лишь частичный и временный характер». Бейли придерживается признанного в традиционной историографии постулата о том, что главным фактором опережающего развития Запада стали внутренние экономические преобразования, прежде всего в Британии. Однако источником британского могущества он считает вовсе не промышленную революцию, поскольку, по его мнению, показатели реального индустриального роста в XVIII в. были еще весьма сомнительны. Темпы экономического роста были намного ниже, а технологические прорывы имели куда более ограниченный масштаб, чем считалось прежде, и, если можно говорить о настоящем промышленном рывке, то он произошел позже, во второй или третьей четверти XIX в., а потому для объяснения того, почему одним странам в XVIII в. повезло, а другим – нет, нужен другой механизм.

Практически всегда, глобальная история рассматривалась как движение в один конец – Запад выступал субъектом, Восток объектом. Наблюдаемый в современной историографии «глобальный поворот» основывается на иных концептуальных началах. Предполагается, что недостаточно продемонстрировать влияние западных держав на остальной мир. Необходимо рассматривать историю с точки зрения взаимо-

³⁴ Bayly 2004.

действия и взаимовлияния, показывать, как, в свою очередь, остальной мир воздействовал на Запад: какие идеи и практики заимствовались и передавались дальше по цепочке, в нескончаемом потоке присвоения, трансформации и сопротивления; как гнет сильных столкнулся с «орудием слабых». Иначе говоря, задача историка состоит не просто в развенчивании мифов об особой «цивилизаторской миссии» европейцев, от которых многие на Западе, по крайней мере формально, отказались. Современному исследователю необходимо услышать голос безмолвствующего большинства, голос «подчиненного», показать, как даже в относительно далеком прошлом, глобальные системы движения, обмена, эксплуатации и агрессии сформировали феномен, который однажды был воспринят историками как исключительно локальный. Характерно, что исследователи здесь применили образ «сети», применив к достаточно отдаленным историческим эпохам метафору управления, относящуюся преимущественно к цифровой эре.

Подобный подход, выдержанный в русле постколониального дискурса, и в наши дни вызывает неприятие и критику со стороны ведущих европейских историков³⁵. Однако, несмотря на это, уже через несколько лет вышла в свет еще одна работа по всемирной истории XIX столетия, посвященная т.н. «переломному времени» (*Sattelzeit*)³⁶. Эта объемная работа (1568 стр.), озаглавленная «Метаморфоза мира. История XIX века», написана немецким исследователем Юргеном Остерхаммелем³⁷.

Остерхаммель представляет панорамный обзор периода с 1760-х гг. до Первой мировой войны, анализирует эпоху с точки зрения всемирной истории. Наряду с Европой, здесь симметрично представлены остальные регионы мира. Он показывает неравномерное развитие экономики, военного дела и государственности, которое объясняет подъем Европы, США и Японии. Его интересуют глобальное развитие мобильности, односторонний процесс культурного трансфера из Европы на весь мир, напряже-

³⁵ Так британский историк В. Чиббер с раздражением пишет о том, что Бейли основой подъема Британии считает не зарождение капитализма, «туманное понятие “революции трудолюбия” не представляется подходящим для объяснения тех эпохальных сдвигов, которые происходили в то время» (Чиббер 2014. С. 249-250). При этом Чиббер забывает, что формирование капиталистических отношений в Европе началось на рубеже XIII–XIV вв. в североитальянских городах-государствах, Швейцарии и Нидерландах, однако, именно Британия, по образному выражению Чиббера, превратилась в «геополитический колосс, в течение всего XVIII и XIX вв. неустанно оказывавший мощное давление на соперников» (Чиббер 2014. С. 250).

³⁶ Термин был введен в научный оборот Райнхардом Козеллем и применен им к переходу европейского мира в Новое время (между 1750 и 1850 гг.).

³⁷ Остерхаммель 2009. Этой книге предшествовала другая работа Остерхаммеля «Колониализм: теоретический обзор» (Osterhammel 2005), в которой колониализм определен как отношение между местным большинством и меньшинством иностранных захватчиков. Недавно, совместно с Акирой Ирией Остерхаммель завершил издание шеститомной всемирной истории, которая вышла в свет одновременно на немецком и английском языках.

ние между правовым равенством и иерархией. Но главное внимание уделено освободительной роли, которую сыграл XIX век в мировой истории.

В 2009 г. Остерхаммель удостоился престижной в Германии премии имени Лейбница. В ФРГ его книга признана самым значительным исследованием на немецком языке по современной истории за последнее десятилетие. Но в то же время, как и книга Бейли, этот фундаментальный труд вызвал шквал критики со стороны собратьев по гильдии³⁸. Это является дополнительным свидетельством того, что оксидентоцентристское мировидение за последние десятилетия, хотя и дало брешь, все еще не потеряло своей актуальности и сохраняет привлекательность для многих интеллектуалов, как на Западе, так и на Востоке.

Как ни странно, евроскептицизм и ориентоцентристские идеи Франка, Вульфа, Арриги и др. пока не нашли широкого круга сторонников среди азиатских ученых. Единственным крупным историком и макросоциологом данного направления считается известный китаевед, профессор Токийского университета Такеши Хамашита³⁹. По его определению, Восточная Азия – самостоятельная мир-экономика, правда скорее в броделевском, нежели в франкианском формате. Центром этой мир-экономики, согласно Хамашите, был и остается Китай. Исследователь весьма оригинально описывает функционирование синской мир-системы в терминах даннической или данническо-торговой традиции⁴⁰.

Среди китайских исследователей на сегодняшний день, пожалуй, нет крупных фигур, специализирующихся в области сравнительной исторической социологии и анализа мировых систем. Исключение составляют так называемые китайские новые левые – политическое и экономическое движение, появившееся в Поднебесной в середине 1990-х гг. Свои теоретические выкладки лидеры этого движения строят на основе неокOLONиального макроэкономического подхода, который являет собой, прежде всего, леворадикальный ответ на неолиберальные реформы в КНР. Своё название это мировоззренческое направление получило по аналогии с новыми левыми движениями в остальном мире – из-за критики слева официальных структур (в данном случае КПК). При этом китайские новые левые во многом находятся под влиянием маоизма и даже троцкизма, ориентируясь на протестное рабочее движение.

³⁸ В рецензии «Что происходит, когда историки злоупотребляют идеей глобальной сети. Глобализация обыденности как проблема исторического знания» профессор Принстонского университета, автор «Первой Тотальной войны» Дэвид А. Белл, подвергает резкой критике представителей макросоциологического подхода за то что они, вслед за Бейли, злоупотребляют синтетическим методом и рассматривают историю стран и регионов в неразрывном единстве. Таким образом, история, еще в недавнем прошлом «первостепенных» и «второстепенных» стран оказывается на одной плоскости, и они обретают одинаковую значимость (Bell 2013).

³⁹ Gills, Frank 2002.

⁴⁰ См.: Frank 1998. P. 113.

Ключевыми фигурами этого движения стали китайские экономисты, получившие, что характерно, образование в США. Сказанное относится к Ли Миньци, одному из первых разработчиков мир-системного анализа в Китае⁴¹. Профессор Университета Юты, а также Массачусетского и Йоркского университетов, Ли перевел на китайский ряд книг западных левых авторов (включая революционера троцкиста Эрнеста Манделя). Другой китайский экономист Цуй Чжиюань в 1985 г. окончив инженерное отделение Национального университета оборонных технологий, был командирован на обучение в США. В 1995 г. он окончил Чикагский университет, а в 2004 г. вернулся в Китай, где стал профессором Университета Цинхуа и одной из ключевых фигур китайских новых левых. Однако исследования китайских экономистов носят, в большей степени политологический, нежели историософский или политэкономический характер, они не отличаются глубиной анализа и несравнимы с академическими штудиями западных историков и макросоциологов.

Крупных успехов в анализе мировых систем за последние два десятилетия достигла российская историография. В монографии «Восток и Запад во втором тысячелетии»⁴² В.А. Мельянцев провел сравнительное исследование уровней, траекторий и факторов экономического развития Востока и Запада за последнее тысячелетие. Ретроспективный анализ Мельянцева опирается на широкий круг источников и исследований по методологии и практике социально-экономических измерений, сопоставлений, факторному анализу экономической динамики, современным проблемам экономического развития стран Востока и Запада, а также всемирной экономической истории. Автор старается разобраться в генезисе еще недавнего экономического преуспевания западных стран и догоняющих их развивающихся восточноазиатских стран, прежде всего Китая.

Современные номотетические подходы к анализу исторической динамики, призванные описать весь мир в целом, характерны и для московского историка-востоковеда и экономиста А.В. Коротаева, который в своих исследованиях рассматривает различные аспекты эволюции Мир-Системы за последние десять тысяч лет, удачно сочетая два таких базовых понятия как “макроэволюция” и “Мир-Система”. Согласно Коротаеву, основные тенденции макроэволюции, такие как необратимость, ее особая направленность, вариативность и прочее, находят свое отражение, как в чертах системности, так и в трансформациях Мир-Системы. В свою очередь, свойства Мир-Системы, такие как сверхсложность, многоуровневость или предельность, существенно модифицируют сам ход социальной эволюции. Коротаев пытается осмыслить ход социальной эволюции, исторического процесса и их важнейших аспектов с помощью комплексного подхода, который только и может быть продуктивным для решения

⁴¹ См.: Li 2009.

⁴² Мельянцев 1996.

подобных крупномасштабных научных задач. Для этого в своих работах исследователь старается в разумной мере интегрировать разные социальные теории и методы, включая и опыт математического моделирования в социальных науках (особенно в экономике и демографии), а также привлечь достижения других наук, в частности биологии. Интересы автора распространяются от сравнения социальной и биологической макроэволюции – через анализ технологического, производственного, демографического, культурного и других аспектов развития Мир-Системы – до изучения генезиса и эволюции государства, а также конкретных проблем современной глобализации и Тропической Африки. Замечания Коротаяева о функционировании социальных систем определенного типа можно понимать так, что система репродуцирует, пока осуществляются действия, с одной стороны, обусловленные самим существованием системы, с другой же – необходимые для поддержания этого существования. В качестве примера исследователь приводит милитаристскую Османскую империю, главным условием существования которой были война и аннексия территорий высокоразвитых и богатых стран. Как только завоевания прекратились, империя, не имеющая внутреннего ресурса для своего развития, вступила в полосу упадка. Те же отличительные закономерности, очевидно были характерны для Ассирийской державы, Древнего Рима, Монгольской империи и др. В отличие от Франка и многих других макросоциологов, центром зарождения первой Мир-Системы Коротаяев считает не Китай, а Переднюю Азию⁴³. Также, в отличие Франка, А.В. Коротаяев и Е.С. Бондаренко⁴⁴ время возникновения Мир-Системы датируют девятым тысячелетием до Р.Х.⁴⁵, связывая ее с неолитической революцией.

Продолжая тему культурного измерения в макросоциологии, Е.С. Бондаренко акцентирует идею эволюционного поля, которая в ее работах пересекается с идеей информационного поля. Понятия «поле», «среда» или «сеть», в ее интерпретации обозначают состояние, а не процесс, эволюционное же поле, в отличие от процесса эволюции, представляет собой нелинейное образование, а не путь развития от простого к сложному с точки зрения вертикальной иерархии. Мощность информационного поля определяется не степенью интеллектуальной и технической развитости того или иного общества (носителя информации), вовлеченного в некий хронологический процесс эволюции, накопления и реализации знаний, а уровнем концентрации еще не полностью реализованной информации, проявляющейся, однако, через психический опыт, в первую очередь, через искусство и религиозность.

⁴³ Коротаяев 2005. С. 90-92; 2007. С. 117-121.

⁴⁴ Бондаренко 2006, 2: 47–66.

⁴⁵ Для сравнения А.Г. Франк начало мир-системы относит к 3000 г. до н.э., Дж. Абу-Луход ведет ее отсчет от создания державы Чингисхана, а И. Валлерстайн – с XV–XVI вв.

Представителем неозволюционистского подхода к истории является Л.Е. Гринин⁴⁶. Эволюционизм имплицитно встроен в его теоретико-методологическую концепцию об историческом процессе. Гринин и Коротаев придерживаются так называемой четырехчленной схемы этого процесса, популярной среди сторонников теории модернизации. Активным приверженцем теории четырехчленного макроэволюционного процесса считается Ю.М. Кобищанов. В своих исследованиях Гринин и Коротаев используют солидную систему аргументации для обоснования авторской концепции социокультурной эволюции и выявлению крупномасштабных трендов динамики Мир-Системы с древнейших времен до наших дней. Большой интерес работы Гринина и Коротаева представляют, как новизной вводимого материала, так и важными выводами, а также с точки зрения корреляции между эволюцией политических систем и динамикой роста городов. Вместе с тем российские мир-системщики по своему интерпретируют закономерности взаимовлияния ядра и периферии, раскрывая их на примере взаимодействия китайской цивилизации и степных кочевников Монголии.

Американский исследователь советского происхождения П.В. Турчин⁴⁷ в своих работах размышляет о методологии нового и перспективного междисциплинарного подхода – теоретической, или математической истории, о методах математического моделирования исторической динамики, о необходимости разрабатывать исследовательские подходы, которые учитывали бы эту сложность, оставаясь объективными, воспроизводимыми, надежными и эффективными. В логике этого подхода им строятся математические модели исторических процессов, и результаты моделирования сравниваются с данными, доступными исследователям. В основе подхода лежит теория самоорганизации – синергетика. Строя соответствующие математические модели, Турчин рассматривает территориальную динамику аграрных государств. По его мнению, рост или уменьшение территорий государств коренным образом зависят всего от нескольких ключевых факторов. С позиций предложенной теории рассмотрено историческое развитие России и Франции.

Новосибирский философ Н.С. Розов⁴⁸ также обращается к некоторым философским и методологическим аспектам применения математических методов в истории и обосновывает тезис о том, что математическое моделирование и математические методы наряду с логическими, графическими, компьютерными и разнообразными концептуальными средствами, являются не самоцелью, а лишь вспомогательным инструментом для главной познавательной стратегии – построения объяснительных (а в идеале также предсказательных) теорий относительно при-

⁴⁶ Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011.

⁴⁷ Turchin 2005; Турчин 2008.

⁴⁸ Розов и др. 2001.

чинных закономерностей исторической динамики. По мнению Розова, если закономерность можно раскрыть и представить на обычном языке и на структурном, качественном уровне, то математизация излишня⁴⁹. При всем этом, в теоретическом анализе в некоторых ситуациях никак не обойтись без математики и чисел.

Анализ взглядов и аргументации перечисленных историков следует признать продуктивным и своевременным. Предлагаемые ими подходы нуждаются в осмыслении и самом серьезном отношении к ним. «Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта актуализирует сравнительно-исторические исследования и формирует новую стратегию компаративной истории, которая связана не с деконтекстуализацией сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (европоцентристской, по своей сути) парадигмы, а с преодолением европоцентризма, с пересмотром роли и наследия империй...»⁵⁰.

Задача, которую стараются решить критики евроцентризма, способствует, на наш взгляд, дальнейшим размышлениям. Кроме онтологического значения, упомянутые подходы имеют важное прикладное значение, показывая, как результаты теоретико-методологического анализа могут использоваться при выработке рекомендаций для разрешения конкретных практических вопросов. Изучение макроэволюционных процессов и новые методики, основанные на математическом моделировании и математическом прогнозировании, открывают новые перспективы для историков, пытающихся постичь непостижимое – а именно законы истории. Однако нельзя не учитывать мнения критиков постколониальной историографии и макросоциологии, игнорирующих некоторые механизмы, которые позволили Западу аккумулировать важные преимущества, определившие его гегемонию на протяжении последних трех столетий. Действительно существует опасность незаметного скатывания от евроскептицизма к востокоцентризму, что может привести к другим крайностям. Но как бы то ни было, современные макро-социологические концепции способствуют формированию более сбалансированного подхода к преодолению дебатов между сторонниками двух противоположных позиций – оксидентоцентризм versus ориентоцентризм. Истина (или проблема?), как всегда, посередине.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. Пер. с англ. Т.Б. Менская. М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
- Бондаренко Д.М.* Бенин (I тыс. до н.э. – XIX в. н.э. // *Цивилизационные модели политогенеза* / Ред.: Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев. М.: РАН, 2002. С. 101-148.
- Бондаренко Д.М.* Доколониальный Бенин при династии Оба: траектория сакрализации верховной власти // *Сакрализация власти в истории цивилизаций.* Ч. I. / Ред.: Д.М. Бондаренко. М.: ЦЦРИ РАН, 2005. С. 171-190.

⁴⁹ Розов 2009.

⁵⁰ Репина 2011. С. 232.

- Бондаренко Е.С. Информационное поле неолита Ближнего Востока // История и современность. 2006. № 2. Р. 47–66.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Новосибирск, 1998. Вып. 1.
- Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. Вып. № 1(7).
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. ЛИБРОКОМ/URSS, 2009. 568 с.
- Коротаев А.В. Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. 2-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2007.
- Коротаев А.В. Макроэволюция в живой природе и обществе. М.: ЛКИ/URSS, 2008 (в соавторстве с А.В. Марковым и Л.Е. Грининим).
- Коротаев А.В. Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X–I тыс. до н. э.) // Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
- Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 283 с.
- Кутуев П. Мировая система как предмет социологического анализа: новая исследовательская программа Андре Гундер Франка. // Социология: теория, методы, маркетинг. Киев: «Пресса», 2007. № 2.
- Маргарян Е.Г. Приевфратская контактная зона. На стыке древних мир-систем // Историческое пространство. М.: Наука, 2012.
- Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 306 с.
- Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальная теория и историческая практика. Москва: Кругъ, 2011. – 560 с.
- Розов Н.С. и др. Разработка и апробация метода теоретической истории. Новосибирск: Наука, 2001 (Теоретическая история и макросоциология, 1).
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.
- Розов Н.С. Теоретическая макросоциология и эмпирическая история: возможен ли продуктивный диалог? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 86–91.
- Саид Э. Восток путешественников и ученых: между словарной дефиницией и живой мыслью // Отечественные записки. № 5 (14) 2003.
- Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб: «Русский Мир», 1995.
- Сокольников А.Н., Крейн В.Н. История стилей в искусстве. М.: Гардарики, 2006.
- Турчин П.В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: УРСС, 2008. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»).
- Турчин П.В. Перспективы математической истории. Существует ли качественное различие между исторической и естественными науками? // История и Математика: Макроисторическая динамика общества и государства / Ред. П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: КомКнига/УРСС, 2007. С. 8–18.
- Ферро М. Европоцентризм в истории: расцвет и упадок // Мегаморфозы Европы. М.: Наука, 1993.
- Чиббер В. Запад не причем? (Рецензия). Пер. с англ. Н.Эдельмана // The New Republic. № 371, 28. 04. 2014.

- Bairoch P.* European Foreign Trade in the XIX Century: The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results) // Journal of European Economic History, Vol. 2, no. 1, 1973.
- Bairoch P.* European Trade Policy 1815-1914 // Peter Mathias and Sidney Pollard (eds.), Cambridge Economic History of Europe, Vol. XIII. N.Y.: CUP, 1989.
- Bairoch P.* Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // Journal of European Economic History, Vol. 3, no. 3, 1974.
- Bairoch P.* Mythes et paradoxes de l'Histoire économique. Paris: La Decouverte, 1995.
- Bairoch P.* Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970. // Revue d'histoire économique et sociale, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
- Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914. Oxford: Basil Blackwell, 2004. 540 p.
- Bell D.A.* This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network. // New Republic. Oct. 25, 2013 / <http://www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor>
- Bernal M.* Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. New Brunswick, 1987.
- Bhabha H.K.* Nation and Narration. Routledge, 1990. N.Y.: Routledge, 1990. 333 p.
- Bhabha H.K.* The Location of Culture. New York: Routledge, 1994. 257 p.
- Buruma I., Margali A.* Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies. Penguin Books Ltd., 2004.
- Buruma I., Margali A.* Occidentalism: A Short History of Anti-Westernism. Atlantic Books, 2005. 208 p.
- Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference. Princeton University Press, 2007. 336 p.
- Frank A.G.* Crisis in the World Economy, New York: Holmes & Meier Publishers, 1980.
- Frank A.G.* Critique and Anti-Critique, New York: Praeger, 1984.
- Frank A.G.* Immanuel and Me With-Out Hyphen // Journal of World-Systems Research. . 2000. Vol. 6. No. 2.
- Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, 1998.
- Frank A.G.* World System in Crisis // Contending Approaches to World System Analysis / Ed. by W.R. Thompson. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 27-42.
- Frank A.G., Gills B.K.* The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. R.A. Denmark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N.Y., 2000.
- Frank A.G., Gills B.K.* The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // Humboldt Journal of Social Relations. 1992. Vol. 18.
- Frank A.G., Gills B.K.* The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.: Routledge. 1996.
- Gills B.K., Frank A.G.* A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S.C. Chew, J.D. Knottnerus. Lanham, 2002.
- Julian Ph.* The Orientalists: European Painters of Eastern Scenes, Oxford: Phaidon, 1977.
- Li M.* The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy. Monthly Review Press, 2009.
- Nochlin L.* The Imaginary Orient // Art in America, May 1983. P. 118-131, 187-191.
- Osterhammel J.* Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 2005.
- Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck Verlag, 2009. 1568 S.
- Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
- Spivak G.* "Can the subaltern speak?" Marxism and the Interpretation of Culture // Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988: 271-313.
- Spivak G.* Other Worlds: Essays in Cultural Politics. Foreword by Colin MacCabe. London: Methuen, 1987.

- Takeshi H.* The Future of Northeast Asia: Southeast Asia? // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East.* Ed. by St. Kotkin and D. Wolff. N.Y. 1995.
- Turchin P.* War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations. New York: Pi Press, 2005.
- Wallerstein I.* The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974.
- Weber Protestant Ethic: Origin, Evidence, Context / Ed. by H. Lehmann, G. Roth. Cambridge, 1993.
- Wolf E.R.* Envisioning Power. University of California Press, 1999.
- Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. 536 p.

REFERENCES

- Arrigi Dzh. Adam Smit v Pekine. Chto poluchil v nasledstvo XXI vek. Per. s angl. T.B. Menskaya. M.: Institut obshchestvennogo proektirovaniya, 2009. – 456 s.
- Bondarenko D.M. Benin (I tys. do n.e. – XIX v. n.e. // Tsvivilizatsionnye modeli politogeneza / Red.: D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev. M.: RAN, 2002. S. 101-148.
- Bondarenko D.M. Dokolonial'nyi Benin pri dinastii Oba: traektoriya sakralizatsii verkhovnoi vlasti // Sakralizatsiya vlasti v istorii tsvivilizatsii. Ch. I. / Red.: D.M. Bondarenko. M.: TsTsRI RAN, 2005. S. 171-190.
- Bondarenko E.S. Informatsionnoe pole neolita Blizhnego Vostoka // Istoriya i sovremennost'. 2006. № 2. R. 47–66.
- Brodell F. Material'naya tsvivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV-XVIII vv. T. 3. Vremya mira. M., 1992.
- Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.
- Vallerstain I. Miro-sistemnyi analiz // Vremya mira. Al'manakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoi istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovykh sistem i tsvivilizatsii / Novosibirsk, 1998. Vyp. 1.
- Grinin L.E. Istoki globalizatsii: mir-sistemnyi analiz // Vek globalizatsii. 2011. Vyp. № 1(7).
- Grinin L.E., Korotaev A.V. Sotsial'naya makroevolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. LIBROKOM/URSS, 2009. 568 s.
- Korotaev A.V. Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie razvitiya Mir-Sistemy. Demografiya, ekonomika, kul'tura. 2-e izd. M.: KomKniga/URSS, 2007.
- Korotaev A.V. Makroevolyutsiya v zhivoi prirode i obshchestve. M.: LKI/URSS, 2008 (v soavtorstve s A.V. Markovym i L.E. Grininym).
- Korotaev A.V. Blizhnemirovyy mir v mirovoi tsvivilizatsii (X–I tys. do n. e.) // Istoricheskie istochniki Evroaziatskikh i Severo-Afrikanskikh tsvivilizatsii. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2005.
- Korotaev A.V. Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 283 s.
- Kutuev P. Mirovaya sistema kak predmet sotsiologicheskogo analiza: novaya issledovatel'skaya programma Andre Gunder Franka. // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. Kiev: «Pressa», 2007. № 2.
- Margaryan E.G. Prievratskaya kontaktnaya zona. Na styke drevnikh mir-sistem // Istoricheskoe prostranstvo. M.: Nauka, 2012.
- Mel'yantsev V.A. Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost'. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996. – 306 s.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Sotsial'naya teoriya i istoricheskaya praktika. Moskva: Krug", 2011. – 560 s.
- Rozov N.S. i dr. Razrabotka i aprobatsiya metoda teoreticheskoi istorii. Novosibirsk: Nauka, 2001 (Teoreticheskaya istoriya i makrosotsiologiya, 1).

- Rozov N.S. Istoricheskaya makrosotsiologiya: stanovlenie, osnovnyye napravleniya issledovaniy i tipy modelei // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2009. № 2. S. 151-161.
- Rozov N.S. Teoreticheskaya makrosotsiologiya i empiricheskaya istoriya: vozmozhen li produktivnyi dialog? // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2010. T. 13. № 4. S. 86-91.
- Said E. Vostok puteshestvennikov i uchenykh: mezhdru slovarnoi definititsiei i zhivoi myslyu // *Otechestvennyye zapiski*. № 5 (14) 2003.
- Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb: «Rucckii Mir», 1995.
- Sokol'nikova N.M., Krein V.N. Istoriya stilei v iskusstve. M.: Gardariki, 2006.
- Turchin P.V. Istoricheskaya dinamika: Na puti k teoreticheskoi istorii. M.: URSS, 2008. (Seriya «Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu»).
- Turchin P.V. Perspektivy matematicheskoi istorii. Sushchestvuet li kachestvennoe razlichie mezhdru istoricheskoi i estestvennymi naukami? // *Istoriya i Matematika: Makroistoricheskaya dinamika obshchestva i gosudarstva* / Red. P.V. Tur-chin, L.E. Grinin, A.V. Korotaev, S.Yu. Malkov. M.: KomKniga/URSS, 2007. С. 8–18.
- Ferro M. Evropotsentrizm v istorii: rastsvet i upadok // *Metamorfozy Evropy*. M.: Nauka, 1993.
- Chibber V. Zapad ne prichem? (Retsenziya). Per. s angl. N.Edel'mana // *The New Republic*. № 371, 28. 04. 2014.
- Bairoch P. European Foreign Trade in the XIX Century: The Development of the Value and Volume of Exports (Preliminary Results) // *Journal of European Economic History*, Vol. 2, no. 1, 1973.
- Bairoch P. European Trade Policy 1815-1914 // Peter Mathias and Sidney Pollard (eds.), *Cambridge Economic History of Europe*, Vol. XIII. N.Y.: CUP, 1989.
- Bairoch P. Geographical Structure and Trade Balance of European Foreign Trade from 1800 to 1970 // *Journal of European Economic History*, Vol. 3, no. 3, 1974.
- Bairoch P. Mythes et paradoxes de l'Histoire economique. Paris: La Decouverte, 1995.
- Bairoch P. Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 à 1970. // *Revue d'histoire économique et sociale*, 1965, Vol. 54, pp. 304–335.
- Bayly C.A. *The Birth of the Modern World, 1780–1914*. Oxford: Basil Blackwell, 2004. 540 p.
- Bell D.A. This Is What Happens When Historians Overuse the Idea of the Network. // *New Republic*. Oct. 25, 2013 / <http://www.newrepublic.com/article/114709/world-connecting-reviewed-historians-overuse-network-metaphor>
- Bernal M. *Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, 1987.
- Bhabha H.K. *Nation and Narration*. Routledge, 1990. N.Y.: Routledge, 1990. 333 p.
- Bhabha H.K. *The Location of Culture*. New York: Routledge, 1994. 257 p.
- Buruma I., Margali A. *Occidentalism: The West in the Eyes of Its Enemies*. Penguin Books Ltd., 2004.
- Buruma I., Margali A. *Occidentalism: A Short History of Anti-Westernism*. Atlantic Books, 2005. 208 r.
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference*. Princeton University Press, 2007. 336 p.
- Frank A.G. *Crisis in the World Economy*, New York: Holmes & Meier Publishers, 1980.
- Frank A.G. *Critique and Anti-Critique*, New York: Praeger, 1984.
- Frank A.G. Immanuel and Me With-Out Hyphen // *Journal of World-Systems Research*. . 2000. Vol. 6. No. 2.
- Frank A.G. *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, 1998.
- Frank A.G. *World System in Crisis* // *Contending Approaches to World System Analysis* / Ed. by W.R. Thompson. Beverly Hills: Sage, 1983. P. 27-42.

- Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System in Theory and Practice // World System History: The Social Science of Long-term Change / Ed. R.A. Denemark, J. Friedman, B.K. Gills, G. Modelski. L.; N.Y., 2000.
- Frank A.G., Gills B.K. The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // Humboldt Journal of Social Relations. 1992. Vol. 18.
- Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.: Routledge. 1996.
- Gills B.K., Frank A.G. A Structural Theory of the Five Thousand Year World System // Structure, Culture and History: Recent Issues in Social Theory / Ed. by S.C. Chew, J.D. Knottnerus. Lanham, 2002.
- Julian Ph. The Orientalists: European Painters of Eastern Scenes, Oxford: Phaidon, 1977.
- Li M. The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy. Monthly Review Press, 2009.
- Nochlin L. The Imaginary Orient // Art in America, May 1983. R. 118-131, 187-191.
- Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 2005.
- Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C.H. Beck Verlag, 2009. 1568 S.
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992.
- Spivak G. "Can the subaltern speak?" Marxism and the Interpretation of Culture // Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1988: 271-313.
- Spivak G. Other Worlds: Essays in Cultural Politics. Foreword by Colin MacCabe. London: Methuen, 1987.
- Takeshi H. The Future of Northeast Asia: Southeast Asia? //Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by St.Kotkin and D.Wolff. N.Y. 1995.
- Turchin P. War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations. N.Y.: Pi Press, 2005.
- Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego, 1974.
- Weber Protestant Ethic: Origin, Evidence, Context / Ed. by H. Lehmann, G. Roth. Cambridge, 1993.
- Wolf E.R. Envisioning Power. University of California Press, 1999.
- Wolf E.R. Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982. 536 p.

Modern nomothetic approaches in the analysis of the dynamics of world history: "reORIENTalization" or "orientalization" of modern historical consciousness

This paper examines the trend to replace of displacement occidentocentric concepts in by orientocentric ones in contemporary historiography; the chinacentric world-system approach by Gunder Frank occupies a prominent place among such theories.

Keywords: occidentocentrism, orientocentrism, reorient, the world-system, the world-economy, China, West Asia.

Margaryan Yervand, Head of the Department of World History and Area Studies abroad of the Institute for Human Sciences RAU, Leading Researcher of Institute of History NAS RA; margar.erv@mail.ru